

надъ своимъ грузомъ—стоитъ онъ. Хотя каждое мгновеніе, со временемъ ихъ разлуки, было только предвѣремъ и предуготовленіемъ къ настоящему моменту, она вздрагиваетъ отъ удивленія, какъ будто то, что она видѣть, было для нея сюрпризомъ.

— Вы здѣсь?—произносить она голосомъ, выражющимъ крайнее удивленіе, которое казалось бы натуральнымъ, еслибы только голосъ не дрожалъ и не ломался.—Вы, кажется, свалились съ облаковъ?

Онъ не тотчасъ отвѣчаетъ. Онъ еще не сладилъ съ тѣмъ сильнымъ впечатлѣніемъ, какое всегда производить на него ея появленіе, когда онъ нѣкоторое время не видѣлъ ее. Это впечатлѣніе можно сравнить съ тѣмъ, какое испытываетъ человѣкъ при видѣ Ніагары, океана или вообще чего-нибудь великаго и грандиознаго. Она гораздо красивѣе, чѣмъ онъ ее себѣ представлялъ! какой у нея набожный, цѣломудренный видъ. Вѣроятно, и другія женщины до нея держали въ рукахъ больше молитвенники по выходѣ изъ церкви, но для него это представляется зрѣлищемъ такой красоты, граціи и святости, какого еще никогда не бывало въ мірѣ. Наконецъ:

— Развѣ это вѣсъ удивляетъ?—спрашиваетъ онъ, все еще не вполнѣ опомнившись,—помните...

— Я боюсь, что всѣ ваши знакомые разѣхались,—торопливо перебиваетъ она его.

— Вы думаете?—отвѣчаетъ она, съ равнодушіемъ, которое не пытается даже скрыть,—вѣроятно, даже можно сказать на-вѣрное.

Ужъ не молитвенникъ ли дѣлаетъ ее такой неприступной?

— Вы прѣѣхали изъ Гаркшира? — поспѣшило спрашивать она, не давая ему опомниться и желая, повидимому, вести разговоръ въ томъ вѣжливомъ и церемонномъ тонѣ, какой онъ принялъ съ самаго начала.

— Да.

— Вамъ вѣрно было жарко въ вагонѣ?

— Я дышалъ ночью.

— Вы любите ночные поѣзда? Я ихъ не люблю; но потому, конечно, что не могу спать. Вы, можетъ быть, спите?

— Я не спалъ.

Послѣднія слова звучать какъ бы упрекомъ. Что съ ней сдѣлалось? Неужели для того, чтобы выслушивать эти холодныя банальности, онъ мчался къ ней цѣлую ночь на всѣхъ парахъ, не смыкая глазъ, забывая о покой? Спалъ ли онъ, когда на-дѣялся ее увидѣть? Какъ это правдоподобно!